

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДРОСТОК: ЧИТАТЬ ИЛИ НЕ ЧИТАТЬ?

**Взгляд практического психолога, зоолога и как бы писателя
– извините, читатель, так уж получилось!**

***Мурашова Екатерина Вадимовна, писатель,
лауреат национальной детской литературной премии
«Заветная мечта», Международного конкурса детской и
юношеской художественной и научно-популярной
литературы им. А.Н. Толстого, обладатель Диплома
«Учительской газеты» в номинации «За отстаивание
нравственных ценностей», г. Санкт-Петербург***

Когда мы объясняем сами себе, для чего детям нужно читать, мы можем использовать совершенно любые аргументы и термины. Мы можем говорить, что читать нужно для духовного роста и эмоцио-

нального усовершенствования, для прикосновения к миру наших далеких предков и усвоения всех богатств, которые накоплены человечеством. Нас все это убаюкивает, как знакомая колыбельная. Флаг нам в руки, семь футов под килем и барабан на шею...

Но когда мы говорим об этом с детьми... Большинство из этих вещей им не просто непонятны. На мой взгляд, дело обстоит гораздо хуже. Достаточно большой процент детей, а особенно подростков, знают, что прикосновение, а особенно глубокое проникновение во все это, для начала, не усиливает, а ослабляет человека, делает его более уязвимым. Все это сложно, муторно, трудно увязываемо между собой. А уязвимость нынче не в моде. Вспомните: еще лет двадцать назад не модно было быть благополучным и слишком успешным. А теперь? Нормальная реплика подростка:

- А меня это не парит!
- Почему?
- А так проще!

Вы уверены, что читать детям необходимо? Видимо, да, иначе не собрались бы на это заседание, конференцию... всегда путаюсь в дефинициях подобных мероприятий...

Тогда давайте сузим тему и попытаемся разобраться. Я предлагаю здесь и сейчас поговорить о том, что ищут современные подростки в пространстве книги, и находят ли они там это. Только и всего.

ПУНКТ ПЕРВЫЙ – ИНФОРМАЦИЯ

Мы живем в век информационных технологий, и нам это уже в зубах навязло. Мы помним другой век и можем сравнивать. Но детям-то и подросткам сравнивать не с чем. Они сейчас и здесь родились, и для них это не возникшее на глазах изумленной публики, а ВСЕГДА СУЩЕСТВОВАВШЕЕ пространство. Поэтому они в нем, как рыба в воде. И в книгах ищут информацию так же естественно, как мы снимаем трубку телефона или открываем холодильник. Находят? Разумеется, находят... но! – Интернет, телеканалы, тематические лазерные диски предоставляют им эту же информацию быстрее и шире, зачастую уже в полупережеванном виде (а это для подростка важно, так как его только недавно вытесали из полена, и мысли у него разнообразные, но еще коротенькие, как у Буратино). Там, где Интернет пока мало доступен (например, в селах), книги

по-прежнему честно играют роль информационных источников. Но как там с ассортиментом?

Что здесь можно сделать? Вероятно, при избытке на книжном рынке качественных и красочных энциклопедий, некоторое количество детей можно научить РАБОТАТЬ с книгой, и они с раннего детства будут предпочитать это тяжеловесное и неторопливое действие эфирному перелистыванию веб-страниц. В дальнейшем из этих детей могут получиться ученые-исследователи. Ведь многие источники и по сей день остаются на бумажных носителях – вот они и сумеют с ними работать.

Кто это должен делать (в смысле – учить)? Очень просто: тот, кто сам умеет. Передача навыков (от тайных эзотерических знаний до секретов мастерства сапожника) от учителя к ученику – проверенная веками практика. И никакой массовости. Штучная работа. А много ли современной России нужно ученых? Добро пожаловать!

ПУНКТ ВТОРОЙ – СКОРОСТИ

Наши дети воспринимают информацию с другой, большей, скоростью, чем предыдущие поколения. Современные мультфильмы и видеоклипы демонстрируют нам это со всей очевидностью. Закон Ломоносова: если где-то что-то прибавится, то где-то что-то непременно убавится. Убавилось: сегодняшние дети не видят диковинных зверей в рисунках на обоях и не носят в карманах всякого восхитительного (для нас в детстве) мусора – гаечек, кусочков стекла и т.д. Но это еще цветочки! Они вообще – физиологически! – другие, и этот процесс преобразования идет прямо сейчас, и неизвестно, чем и когда закончится! Не буду приводить подробности, вроде бы не место, но поверьте, я, биолог по основному образованию, и знаю, что говорю. Медики-педиатры (среди которых я сейчас работаю) об этом прекрасно знают, но как-то не могут сообразить, кому и куда об этом нужно сказать и что сделать. Поэтому говорят между собой и пожимают плечами.

Что из этого конкретно для нас следует? А то, что многие (в крупных городах – почти все) дети сегодня просто НЕ МОГУТ прочитать того же Гюго или Пруста. Не то чтобы проблемы не трогают – элементарно в тексте увязают. Так же, как я не могу до конца досмотреть почти ни один современный мультфильм – тят! Шлеп! Бах! – голова кружится...

Что требуется от книги по этому поводу? Вероятно, новая массовая литература, написанная с учетом этих скоростей? И Дэн Браун с Дарьей Донцовой как провозвестники новой эры? Не знаю, не знаю... Впрочем, проживем – увидим. Куда мы денемся с этой подводной лодки?

ПУНКТ ТРЕТИЙ – СОПЕРЕЖИВАНИЕ

До сих пор считается, что ведущим механизмом восприятия искусства (и книг в том числе) является сопереживание. Идентификация себя с героем и т.д. Разумеется, подростки это делают. Но... это работа. Мир же сегодня предоставляет им другие, менее душевно-затратные способы идентификации – компьютерные игры, масс-шоу-культура и т.д.

Трудно требовать от детей, чтобы они выбирали более трудный путь. Помните у Высоцкого: «И можно свернуть, обрыв обогнуть, но мы выбираем трудный путь...». Задумайтесь: это действительно был тогда самый трудный путь адаптации к реальной жизни? Уйти в горы, в виртуальный по тем временам мир? «А в тайге по утрам туман...» И мы, у которых еще лежат на антресолях выцветшие палатки и штормовки, смеем обвинять наших детей за то, что они уходят в виртуальный туман?!

Более того, у меня есть конкретные основания (взятые из моей психологической и педагогической практики) полагать, что сегодняшние подростки вполне сознательно избегают опыта сопереживания. Почему?

Я думаю, что отчасти – это результат стремительной дифференциации нашего общества. При этом дифференциация эта еще не устоялась («сегодня в князи, а завтра – в грязи»). Этому обществу пока просто невыгодно развивать в детях опыт сопереживания. Ведь если я могу сопереживать любому талантливому артефакту от искусства, стало быть, я могу идентифицироваться практически с любым существом, независимо от его расы, веры, пола, социального положения и т.д. Следовательно, для меня на практике становится затруднительным разделение на «своих – чужих». Да и вообще, раскладывание «по полочкам» всех нравственно-этико-моральных категорий. Аристократ в тринадцатом поколении может сколько угодно сопереживать своему лакею, но никакой идентификации не будет. Лакей – в том же положении. У нас ничего подобного нет.

Но очень хочется. При этом, как всегда бывает, не столько для себя, сколько для детей. «Наши дети будут жить при коммунизме». В общем-то это те же грабли, на которые принято наступать на протяжении всей истории человечества.

Подростки инстинктивно на все это реагируют и разом отстраняются от призывов сопереживать: и «Детям подземелья» Короленко, и «Парфюмеру» Зюскинда, и «Тройке» Перова.

Но это ничего, ибо ничто не ново под луной: вот подкрутят гайки, усилится государство, снова засядут по еврокухням неистребимые русские интеллигенты, и пойдет следующая волна «сопереживаний страданиям народа», и литература, понятное дело, подстроится...

ПУНКТ ЧЕТВЕРТЫЙ – ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ

Знаю, что большинство читателей данного сборника (специфические все же люди) со мной не согласятся. И правильно – любая точка зрения должна быть оспариваема, в этом – жизнеспособность системы.

Так вот: для современных подростков как поколения книга больше не является «учителем жизни». Развлечение, информационный носитель, тема для разговора, средство для проведения времени и еще что угодно. Они готовы размахивать волшебной палочкой, как Гарри Поттер, и мечами, как эльфы и орки. Но они не идут их жизненным путем. Я знаю десятки людей, которые стали биологами, начитавшись Даррелла и Гржимека, людей, которые стали врачами и инженерами, зачитывавшихся соответствующими романами, но ни одного сегодняшнего подростка, который, выбирая что-либо, сослался бы на литературный источник. В этом – наша печаль и наше спасение. Мы привыкли к почти мистической роли литературы в нашем обществе, и нам трудно от нее отказаться. Помните, «ром заменил ему все...»? У нас ту же роль играла литература. Чтение заменяло человеку семейное воспитание, религию, мировоззрение, форму протеста, развлечения, систему мер и весов и еще массу других вещей. Теперь произошла десакрализация литературы. Из формулы «вот как бывает (или вот что можно придумать) и вот что из этого следует...» осталась только первая часть. А куда же делась вторая? Вторая отправилась туда, где ей в общем-то и положено быть – в жизнь. Но это касается в первую очередь взрослой литературы.

ПУНКТ ПОСЛЕДНИЙ – А МОЖЕТ БЫТЬ, НУ ЕЕ, ЭТУ ПОДРОСТКОВУЮ ЛИТЕРАТУРУ?

Мне кажется, что на детскую и подростковую литературу сегодня ложится очень сложная и очень специфическая задача. Любой ребенок и подросток, хотя бы отчасти, живет в сказочном, фантастическом мире. Все это усиливается сейчас виртуальными компьютерными, телевизионно-рекламными и прочими шоу-мирами. Пределом этой виртуализации в современном мире является уход в наркотические миры. Это проблема номер один, потому что наркотики, в отличие от рака и сердечно-сосудистых заболеваний, бьют по камбиальному слою, по совсем молодым людям. Может быть, задача литературы как искусства наиболее личного, интимного в употреблении, дать подростку какие-то методики, возможности и примеры для различения этого «мира-понарошку» от «мира-подлинного». Взрослая литература такой задачи перед собой, разумеется, не ставит. Скорее, наоборот.

А вот детская, я полагаю, временами и в лучших образцах, очень удачно делает как раз на этом акцент. Вот это было игрой, а вот здесь пошла настоящая жизнь. Ты не согласен? Прекрасно! А, по-твоему, где границы? Здесь важны не готовые рецепты, а отработка самого алгоритма, самой привычки к усилию различения. Никакие другие виды искусства и средства массовой информации, сдается мне, заменить книгу в этом вопросе пока не могут.

Только и всего. Но и это, поверьте, – ох, как немало!

